

ЗАМЕЧАНИЯ О СУЩНОСТИ МОДАЛЬНОСТИ

К Н. Савидкму: 1. Думается мне, что коннотативные значения высказываний, отличающихся на общем модальном уровне, вряд ли могут составлять интерес лингвистических исследований. Ведь эти значения — в конечном счете прагматические — представляют экстралингвистическое дело, они абсолютно индивидуализированы в конкретных конситуациях конкретных речевых актов. Они, следовательно, не поддаются никакому обобщению, не будучи тем самым в состоянии входить в сферу грамматического исследования. Ведь не подлежит сомнению, что одно и то же высказывание в разных конситуациях может приобретать разные прагматические значения. Приведу хотя бы один пример из бесконечного числа возможных примеров:

Повествовательное высказывание чешск. *Určitě bude pršet* — 'Будет дождю', 'Непременно будет дождь' может в определенных условиях, разумеется, получать модальное прагматическое значение 'возьми зонтик', но кроме того, оно может иметь еще такие разновидности модальных „смыслов“ для адресата: 'можно и не поливать грядки, ведь все равно будет дождь', или 'не стоит ходить на прогулку, давайте останемся дома', или 'как хорошо, тогда уже наша утомительная работа в поле кончится', и т. д.

2. Я не такой пессимист относительно возможности принципиального размежевания на синтаксическом уровне высказываний повествовательных от вопросительных, вопросительных от побудительных, побудительных от оптативных, повествовательных от побудительных и т. п. Прагматические конкретные значимости, как указывалось, здесь ни при чем, релевантна прежде всего самая грамматическая форма высказывания, ее структурное модальное оформление; эта грамматическая форма, естественно, связана и со своим интралингвистическим, чисто синтаксическим значением. Таким образом, форма повествовательных высказываний может содержать не только констатацию, но также и вопрос (ср. *Мне важно узнать дату вашего приезда*), или приказ (*До завтра ты все это переписешь!*), или желание (*Я желал бы встретиться с ним еще раз*), но всегда это будет повествовательное высказывание. С помощью формы вопроса, в свою очередь, можно косвенно передать также и побуждение (*Ты бы помоги мне подняться с земли?*, *Вы не перестанете насвистывать?*), или констатацию (в т. наз. риторических вопросах, ср. *Разве можно в этом сомневаться?*), однако опять-таки перед нами каждый раз имеется вопрос. Вообще говоря, здесь речь идет о явлениях функциональной транспозиции.

Другое дело, что тот или другой общий модальный статус иногда может

подвергаться настоящей нейтрализации, а именно под влиянием эмоциональности. Эмоциональные высказывания, как известно, в самом деле нередко стирают, затуманивают синтаксическую модальную значимость. Классический пример тому: многие эмоциональные высказывания с исконно вопросительными словами давно лишились своего вопросительного характера, ср. *Как здесь хорошо!*, *Какой он оптимист!*, *Сколько здесь орехов!*, *До чего он изменился!* Еще один пример на чисто синхронном уровне: чешск. *Že jsem tam chodil!* 'Почему же я туда ходил!' заключает в себе не то вопрос, не то упрек (т. е. желание, неисполнимое). В этой связи большего внимания заслуживало бы, на наш взгляд, между прочим семантическое поле т. наз. пермиссивности (напр. *Пусть идет дождь*, *Ну пусть сегодня подольше поспят*). Грамматическая наука все настоятельнее нуждается в выработке систематического метаязыка, в целях договоренности грамматистов и в целях однозначности определений и характеристик функциональной способности языковых единиц. Случаи нейтрализации известны из многих других мест языковой системы, тем не менее они не дают нам основания не признавать реальное наличие в системе определенных противопоставлений и соотношений, не могут внушать нам дефетизм по поводу возможности вскрывать и устанавливать отличные языковые факты, единицы, типы, классы, категории.

3. Что касается инфинитивных предложений, то они служат наглядным подтверждением тезиса о том, что сфера модальности наряду со средствами грамматическими обслуживается также и средствами лексическими и что оба разряда этих средств находятся во взаимодействии, в силу чего лексические средства не могут полностью исключаться из компетенции грамматического описания. В славянских языках инфинитивные построения представляют архаический способ выражения значений необходимости, долженствования, возможности. Едва ли, однако, можно считать их в современных славянских языках широким и продуктивным классом. Они представлены не во всех языках, занимая, в общем, лишь в восточной славянской ветви центральное системное место.

*

К Б. Панцеру: В докладе был предложен проект новой, логически обоснованной и стройной стратификации всей сферы модальности. При этом на первый план выступала идея о первичной релевантности морфологических категорий, гл. обр. наклонений (модусов). Несомненно, богатый опыт Б. Панцера, приобретенный им в ходе работы над славянским кондиционалом, не мог не повлиять на его общую трактовку соответствующих явлений. Тем не менее мне представляется, что категория наклонения (подобно другим категориям, как-то: частей речи, падежа, времени) должна была бы по-особому трактоваться также и на синтаксическом уровне. Целесообразно признавать понятие синтаксического наклонения (ср. плодотворный почин Н. Ю. Шведовой). С этого угла зрения наряду с синтаксическим описательным императивом выделяется также и синтаксический опатив. Признание синтаксического модуса сделает возможным легче и проще разбираться в проблематике общих схем

(моделей) высказываний и убедительнее устанавливать формальные модели повествовательных, вопросительных, побудительных и пожелательных высказываний.

*

К Г. А. Золотовой: В докладе выдвигалась мысль о том, что частная (или же волюнтаривная, субъективная) модальность является прежде всего отношением производителя признака к самому признаку, ср. *Он должен приехать, Он может приехать, Он не хочет приехать*. Подобный взгляд встречается и у других синтаксистов. Он в принципе своем правилен, однако надо всегда отдавать себе отчет в том, что это отношение, в конечном счете, в данном конкретном высказывании преломляется через призму точки зрения говорящего. Одно и то же денотативное модальное значение в зависимости от ряда факторов (личность самого говорящего, его отношение к собеседнику, как и к производителю действия, настроение говорящего, обстановка речи) получает в устах говорящего разнообразную стилизацию, т. е. неодинаковые сигнификативные значения.

Укажу пример: факт необходимости явки кого-либо к директору на основе полученного телефонного приказа может сообщаться производителю действия по-разному, ср. *Ты должен явиться к директору! || Тебе надо... || Вам бы явиться... || Вас просят явиться...*

Еще один момент здесь нельзя сбрасывать со счета. Ведь модализировать по линии частной волюнтаривной модальности можно даже и безагентные действия, ср. в чешск. языке: *Dnes nemůže tát; Musí se mu dostat lepší výchovy; Už by mělo být teplo!* А раз здесь никакого агенса (= производителя) нет, то тем самым снимается и безоговорочная оправданность положения об отношении производителя к реализации признака.

*

К П. Адамецу: В докладе было выдвинуто несколько интересных, перспективных мыслей. Нельзя не оценить цельность и последовательность всей концепции. Относительно точки зрения к трактовке категории отрицания (негации), я солидаризуюсь с П. Адамецем в том, что она входит в рамки модальности, хотя и по своей примарной природе представляет факт лексического, предметно-диктального содержания мысли и высказывания. Некоторые сомнения возникают у меня, однако, в связи с предложенными в докладе терминами. Касается это прежде всего термина *predikátová modálnost* — *предикатная модальность*, в противоположность модальности *диктальной* и *рематической*. Если признавать, что общая (= объективная) модальность есть конститутивный признак всякого конкретного высказывания, т. е. признак любой конкретной реализации той или другой структурной схемы предложения, и что категория модальности вместе с категорией времени и образует категорию предикативности, то надо также иметь в виду, что всякая „предложенческая“ модальность есть модальность предиката, предикатная.

*

К. М. Ивич: Заслуживает положительной оценки, что М. Ивич обратила внимание, между прочим, на косвенную, маркированную модальность, наслаивающуюся на односоставные схемы предложений. Речь шла, в частности, о славянских конструкциях типа сербохорв. *Spava mi se*, русск. *Мне не спится*. Об их особой модальной окраске свидетельствует хотя бы тот факт, что эквивалентами здесь в некоторых других языках выступают построения с лексическим модальным оператором, ср. чешск. *Chce se mi spát, Máť chůť spát (Spal bych), Nemohu spát*. Перед нами лишний раз доказательство тесного взаимодействия и супплетивизма грамматических и лексико-грамматических средств выражения, разнящихся от языка к языку. Подобные конструкции являются деагентивными, и их специфичность состоит в выражении произвольного предрасположения агенса к действию. Поэтому я в свое время предложил называть их реляционными, или диспозиционными, в противоположность случаям вроде чешск. *Jde se*, русск. *Об этом говорилось*, где ни о каком волюнтаривном отношении обобщенного агенса к действию не говорится; последние можно называть нереляционными, или же „акционными“ (*akční, prostě dějově*).